

УДК 821.161.1

UDC 821.161.1

МИФОЛОГИЗМ В ЛИТЕРАТУРЕ РЕАЛИЗМА: РАССКАЗ И. С. ТУРГЕНЕВА «БЕЖИН ЛУГ»

MYTHOLOGISM IN REALISM LITERATURE: STORY “BEZHIN MEADOW” BY I. TURGENEV

Т. И. Шамякина,

*доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры общего и славянского
литературоведения БГУ*

T. Shamyakina,

*Doctor of Philology, Professor,
Professor of the Department of General
and Slavic Literature Studies, BSU*

Поступила в редакцию 11.01.23.

Received on 11.01.23.

Методом мифологической реставрации разбирается рассказ И. С. Тургенева «Бежин луг». Рассматриваются особенности функционирования в народной среде мифологических сюжетов, изложенных устами детей. Каждый из мифов, приводимых в произведении, имеет архетипическое значение, является порождением народной фантазии, демонстрирует психологические законы творчества. Мифы в статье получают свое объяснение, истолкование.

Ключевые слова: миф; мифологическое мышление; мифопоэтика; фантазия; «Бежин луг»; И. С. Тургенев; метод мифологической реставрации.

The story by I. Turgenev “Bezhin meadow” is selected as a method of mythological renovation. The article considers the features of functioning in the folk sphere of mythological plots narrated by children. Each of the myths in the story has an archetypal meaning, is a product of folk fantasy, demonstrates psychological creativity laws. Myths are explained and interpreted in the article.

Keywords: myth; mythological thinking; mythopoetics; fantasy; “Bezhin meadow”; I. Turgenev; method of mythological renovation.

Метод мифологической реставрации становится в последнее время одним из приоритетных в современном литературоведении. Он достаточно сложен, требует хорошего знания как истории литературы, так и фольклора, а также религиозных верований, особенностей менталитета разных народов. Собственно, это не что иное, как метод *пристального чтения*, необходимый не только исследователям-литературоведам, но и педагогам в процессе приучения детей к чтению.

Кажется, что мир мифов примитивен и хорошо нам знаком. Однако «с высоты научного знания мы и не задумываемся над существом мифологических образов и над логикой чудесного мира этих образов. Ведь это мир фантазии! А фантазии доступно все...» [2, с. 10]. Известный исследователь логики мифа Я. Э. Голосовкер ставит вопрос: «исследовано ли вообще воображение в качестве способности познавательной?» [2, с. 10–11] Он полагает, что «воображение искони обнаруживается как форма познания, имеющая наиболее древний познавательный опыт и язык, но при наиболее загадочном шифре» [2, с. 11]. Впрочем, в мировой литературе встречаются произведения, где мифологическое содержание как бы обнажено, выступает на поверхность, но шифр его сохраняется и также требует декодирования. Именно таков рассказ классика русской литературы И. С. Тургенева «Бежин луг»¹. Рассказ с его удивительным,

почти сказочным содержанием демонстрирует силу фантазии народа и логику мифологического мышления – древнейшего, но и сохранившегося до нашего времени, хотя и в иных формах.

Рассказ «Бежин луг» входит в книгу И. С. Тургенева «Записки охотника», благодаря которой писатель стал знаменитым. Все произведения здесь, названные очерками, – от имени охотника, alter ego автора, который, выслеживая дичь, органично включен в природные циклы, много странствует и встречается с разными людьми – и помещиками, и крестьянами.

В рассказе «Бежин луг» герои – дети. Мифология – «детство человечества» с его удивительным поэтическим мышлением. А здесь и рассказы мифов – дети. Писатель благодаря своим героям словно погружает читателя в глубину человеческой мысли вообще, причем мысли фантазийной, раскрывает алгоритм мифопоэтики, некие универсальные психологические законы. «Архетипичность и историчность, фантастичность и реальность оказываются слиты воедино таким образом, что именно и позволяют сформировать и поддерживать особый тип мировосприятия – мифопоэтическое мировосприятие» [5, с. 103], «культурным осколком» которого и является данное произведение. Тем более, что оно не предназначено для детского чтения. Оно о детях для взрослых. Дети живут «в магико-мифическом мире, где рядом с темными импульсами и инстинктами сначала возникает образное сознание, в котором сосуществуют магические

¹ Рассказ стал настолько популярным, что до сих пор Бежин луг сохраняется в Орловской области России, его не распаивают, а оставляют в первозданном виде. Место постоянно посещают туристы.

и мифологические мотивы, образы, идентификации, реакции, представления и приемы... Это образное мифическое переживание мира остается фундаментом, всегда сохраняющимся под нашим рациональным мышлением, и ему присущ отнюдь не только регрессивно-негативный характер, выражающий себя в суевериях или неврозах. Эта область образов и фантазий, в высокой степени эмоционально заряженных, становится фундаментом как новых душевных обретений ребенка, так и процессов изменения и развития, протекающих в душе взрослого человека. Важность подобных архетипических образов подтверждается даже в области научных исследований...» [4, с. 47]

В рассказе гениально показано органичное существование детей в мире магии и мифологии. Причем рассказывают они именно местные мифы, а не сказки, так как верят в чудеса абсолютно. А миф и характеризуется, в отличие от сказки, верой в свою правдивость. «Миф – это повествование, которое там, где оно возникло и бытовало, принималось за правду, как бы оно ни было неправдоподобно» [7, с. 4]

Сюжет рассказа таков. Однажды охотник заблудился и не смог к ночи вернуться домой. Место его блужданий оказалось пустынным. Вдруг он заметил огонек. Пошел на него. Увидел костер, вокруг которого сидели пять мальчиков. Они пасли лошадей. Охотник около них прилег и слушал их разговоры. Постепенно он понял характеры мальчиков. Действительно, по особенностям речи автор прекрасно показал индивидуальность каждого. Особенно ему понравился Павел. Обычно в анализе этого рассказа исследователи главное внимание обращают на характеры подростков, а также на описания природы. Мы же остановимся на теме разговоров ребят с точки зрения метода мифологической реставрации.

Самое интересное в рассказе – именно предмет разговоров персонажей. Они погружены в мир мифологических героев и беседуют о таинственном, чудесном, нередко – пугающем. Дети всегда и везде любили говорить и слушать о страшном.

Один из мальчиков – Илья – уже работал на бумажной фабрике. Бумагу тогда делали на водяных мельницах. Он рассказывает, как однажды ему с другими работниками-мальчиками пришлось заночевать на мельнице, прямо под колесом, у самой плотины. Когда ребята улеглись, они услышали, что у них над головами кто-то ходит, а, кроме них, на мельнице не было больше никого. «Доски под ним так и гнутся, так и трещат; вот прошел он через наши головы; вода вдруг по колесу как зашумит, зашумит; застучит, застучит колесо, завертится» [8, с. 166]. Потом стали двигаться разные вещи. Все это очень похоже на явление, которое в конце XX в. получило название

«*полтергейст*» (в переводе с немецкого – «шумный дух»). А в народе полагали, что это проделки домового.

Домовые, по народным представлениям, проживали в разных помещениях, обычно в жилых домах. По мнению В. И. Даля, современника И. С. Тургенева, «...домовой служит объяснением разных непонятных явлений...» [3, с. 20] На мельнице, видимо, существовал другой дух, связанный с помещением, специфический, возможно, и имя у него было другое, но И. С. Тургенев не стал приводить диалектное название, а взял привычное. Возможно, и сами ребята не знали, как называются духи в разных строениях. А вообще мельницы, тем более водяные, всегда считались в народе местами нечистыми, опасными. Здесь вполне мог поселиться нечистый дух. В нечистиков верили во всех регионах не только России, но и в странах Европы. По сравнению с домовым, который иногда совершает добрые дела, поскольку воплощает духа предка семьи, нечистый дух более злобен, низок, близок к бесам. Но в отличие от черта, свободного в передвижениях, строго прикреплен к месту [6, с. 131]. Восприятие мельницы как места вредоносного, видимо, объясняется наличием на ней разных механизмов, требующих осторожного с ними обращения. Правда, разные страшные явления всегда происходили здесь не во время работы, днем, а по ночам.

И действие в рассказе происходит ночью. Поэтому ребята и вспоминают разные страхи – темнота психологически создает ощущение опасности. Дети переходят от одного сюжета к другому. Мальчик Костя вспомнил рассказ своего отца о соседе – плотнике Гавриле. Плотник пошел в лес по орехи и заблудился. Настала ночь, он присел у дерева и задремал. Когда проснулся, увидел перед собой русалку среди ветвей. Она смеялась и звала его к себе. Гаврила уж и встал, чтобы к ней идти, да Господь его надоумил: он перекрестился. Крест – лучший оберег от нечистой силы. После этого русалка смеяться перестала, а, наоборот, заплакала. Услышав рассказ Кости, Илюша сообразил, что русалка хотела защекотать Гаврилу до смерти. Потому в некоторых регионах русалок называют «лоскотухами» – диалектным словом, которое обозначает щекотку.

Русалка в народном представлении – сложный образ. Это душа умершей девушки, утопленницы. В то же время – *дух природы*, связанный с растительностью и с водой. В повести Н. В. Гоголя «Майская ночь, или Утопленница» русалки живут в озере, а у А. С. Пушкина в «Руслане и Людмиле» «русалка на ветвях сидит». Так и у И. С. Тургенева.

Русалка как образ мифологии прошла долгий путь развития. В эпоху неолита люди верили в берегинь, существ охранительных (в слове соединено «берег» и «беречь»), у западных и южных славян они назывались «вилы» и охраняли воды.

Однако на Руси под влиянием христианства мифический образ русалки трансформировался и стал восприниматься как нечистая сила. Не случайно в рассказе русалка боится креста – символа христианства. «Согласно народным поверьям русалками становятся или младенцы женского пола, родившиеся мертвыми или умершие без крещения, а также взрослые утопленницы» [1, с. 182–183]. Это образ из иного мира – мира умерших, которого всегда опасались.

Далее в рассказе «Бежин луг» вновь вступил в разговор Илья, вспомнив о еще одном нечистом локусе – на пруду у прорванной плотины. Место глухое, вокруг него овраги, а в них – полно змей. Там похоронен утопленник. Однажды крестьянин Ермил ездил за почтой в город. Возвращался уже ночью и увидел на могиле утопленника белого барашка. Взял его, несет, а лошадь от него хрипит, пятится. Тем не менее поехали. Ермил «барашка перед собой держит. Смотрит он на него, и барашек ему в глаза так и глядит. Жутко ему стало, Ермилу: что, мол, не помню я, чтобы эдак бараны кому в глаза смотрели...» [8, 170]

Бараны, овечки в народном представлении не были нечистыми животными. Возможно, Ермил выпил в городе, и ему нечисть привиделась. Или же реальный барашек показался страшным, потому что взят с могилы. Психологический момент в формировании мифологических представлений всегда следует иметь в виду. Как говорится: «У страха глаза велики».

Однако ребята продолжили разговор о нечистом месте у плотины. Илья поведал, что «там не раз, говорят, старого барина видали – покойного барина. Ходит, говорят, в кафтане долгополом и все это этак охает, чего-то на земле ищет» [8, с. 171]. Однажды дедушка встретил этого барина и спросил его, что он ищет. Тот ответил, что ищет разрыв-траву – могила давит, хочется на волю...

Рассказы о покойниках были чрезвычайно распространены в народе. Тот же Илюша рассказал о народном поверье: если сестра ночью на церковную паперть (*сакральное место*) и смотреть на дорогу, то мимо по дороге пойдут те, кому умирать в этом году... Но случиться это может только в *сакральное время* – на родительскую субботу. Таким образом, это представление связано с культом предков. Предки показывают тех, кто будет вместе с ними...

Культе предков был очень мощным у китайцев, у других восточных народов и у наших прародителей. Русский фольклор «изобилует рассказами о «живых мертвецах», губящих людей либо в наказание за причиненное зло, либо по собственной злой природе. Предания об упырях-вампирах и культ заложных покойников – вот формы, в которых представления славян о «живых мертвецах» дошли до начала нашего столетия» [1, с. 222]. Более того, они реанимированы и в современной литературе и особенно в кино.

В рассказе «Бежин луг» вдруг появился среди ночи белый голубок. Ребята решили, что чья-то душа отправилась на небо. Разговор принял несколько иное направление. Говорили о конце света – тоже в наше время тема чрезвычайно актуальная. А тогда по деревням ходили слухи, что белые волки по земле побегут, «людей есть будут, хищная птица полетит, а то и самого Тришку увидят... Тришка – это такой человек удивительный, который придет... и взять его нельзя будет: такой уж это будет удивительный человек. Захотят его, например, взять хрестьяне: выйдут на него с дубьем, оцепят его, но а он им глаза отведет – так отведет им глаза, что они же сами друг друга побьют. В острог его посадят, например, – он попросит водицы испить в ковшике; ему принесут ковшик, а он нырнет туда, да и поминай как звали...» [8, с. 173]

Сам автор отмечает в сноске, что в поверье о «Тришке», вероятно, отозвалось сказание об антихристе.

Но ребята вновь возвращаются к образам, более им близким, – духам природы. Вспоминают о встречах сельчан с лешим. Леший мучает людей, но все же не до смерти. В основном заставляет блуждать по лесу: «Вот на днях он у нас мужичка обошел: водил, водил его по лесу, и все вокруг одной поляны. Едва-то к свету домой добился» [8, с. 175].

От лешего перешли к водяному – он более опасен, часто топит людей.

Снова вспоминаются разные случаи. А тут Павел пошел к озеру и, вернувшись, сказал, что его, когда он нагибался к воде, кто-то звал. Федор решил, что это водяной его звал. Вообще примета плохая. Но Павел махнул рукой – он вообще был самым смелым из ребят, сказал: «Своей судьбы не минуешь». Однако в конце рассказа герой-рассказчик узнает о смерти Павла: «Он не утонул: он убился, упав с лошади. Жаль, славный был парень!» [8, с. 179] Так оканчивается рассказ. Если следовать мифологической логике, то жизни Павла лишил все же водяной, как и опасались ребята: известно, что водяному приносили в жертву лошадей, то есть между животным и нечистиком прослеживается некая связь.

Таким образом, в рассказе отражены многочисленные случаи удивительных отношений человека и природы, которая предстает в воображении людей в виде разных духов – в науке они называются «духами локусов». «Локус» – по латыни – «место». Мир этих существ разнообразен и непредсказуем, потому вызывает у детей страх, но и заставляет, как это показано в рассказе, думать, рассуждать, вспоминать, проводить аналогии.

«Бежин луг» – одно из произведений реалистического метода, в котором чрезвычайно силен мифологический элемент.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волошина Т. А., Астапов С. Н. Языческая мифология славян. – Ростов н/Д : Издательство «Феникс», 1996. – 448 с.
2. Голосовкер Я. Э. Логика мифа. – М. : «Наука», 1987. – 218 с.
3. Даль В. И. О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа. – СПб. : Издательство «Литера», 1996. – 480 с.
4. Дикманн Ханс. Сказание и иносказание. Юнгианский анализ волшебных сказок / Перевод с нем. – СПб. : Академический проект, 2000. – 256 с.
5. Козолупенко Д. П. Мифопоэтическое мировосприятие. – М. : «Канон», 2009. – 432 с.
6. Синявский А. Д. Иван-дурак. Очерк русской народной веры. – М. : «Аграф». 2001. – 464 с.
7. Стеблин-Каменский М. И. Миф: его место в эволюции человеческого сознания. – М. : Ленанд, 2018. – 104 с.
8. Тургенев И. С. Собр.соч. В 12 томах. Т. 1. – М. : Государственное издательство художественной литературы, 1953. – 480 с.

REFERENCES

1. Voloshina T. A., Astapov S. N. Yazycheskaya mifologiya slavyan. – Rostov n/D : Izdatel'stvo «Feniks», 1996. – 448 s.
2. Golosovker Ya. E. Logika mifa. – M. : «Nauka», 1987. – 218 s.
3. Dal' V. I. O pover'yah, sueveriyah i predrassudkah russkogo naroda. – SPb. : Izdatel'stvo «Litera», 1996. – 480 s.
4. Dikmann Hans. Skazanie i inoskazanie. Yungianskij analiz vol'shebnyh skazok / Perevod s nem. – SPb. : Akademicheskij proekt, 2000. – 256 s.
5. Kozolupenko D. P. Mifopoeticheskoe mirovospriyatie. – M. : «Kanon», 2009. – 432 s.
6. Sinyavskij A. D. Ivan-durak. Ocherk russkoj narodnoj very. – M. : «Agraf». 2001. – 464 s.
7. Steblin-Kamenskij M. I. Mif: ego mesto v evolyucii chelovecheskogo soznaniya. – M. : Lenand, 2018. – 104 s.
8. Turgenev I. S. Sobr.soch. V 12 tomah. T. 1. – M. : Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1953. – 480 s.